

Н. М. ПИРУМОВА

Русская революция в программе и тактике Бакунина конца 60-х — начала 70-х годов

1. Бакунин и «Народное дело»

Идея русской революции была главной, хотя и не всегда явно выраженной, во всех построениях Бакунина начиная с 40-х годов. Но в 1864–1867 гг., формулируя свои новые взгляды на международную организацию революционных сил, создавая программу и тактику одного из направлений анархизма, он не сразу обратился к конкретным вопросам русского революционного движения. В эти годы он рассматривал Россию в ряду стран Европы, готовых, по его мнению, к социальной революции. «Мы должны же наконец понять, — писал он еще весной 1864 г., — что в целой Европе, не исключая и нашей России, два лагеря, два отечества: один называется революцией, другой — контрреволюцией»*.

«По нашему убеждению, существующий и, скажем прямо, единственный вопрос, лежащий ныне в основании всех прочих, как в России, так и в других странах, тот же самый: это вопрос об освобождении многомиллионного рабочего люда из-под ярма капитала, наследственной собственности и государства»**. Этой декларацией Бакунина начинался № 1 журнала «Народное дело».

Обратившись практически к русскому делу, Бакунин должен был заняться вопросами программы применительно к условиям его родины. Однако первое время он ограничивался в основном повторением тех положений, которые были сформулированы им в 1864 и в 1865 гг. в Программе международного тайного общества международной

* Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. СПб., 1906. (Далее: Письма...) С. 265.

** Народное дело (Женева). 1868. № 1. Сент. С. 3.

революции, о которых говорилось выше. Первый документ, адресованный к российскому обществу и опубликованный в «Народном деле», почти дословно повторил те пять пунктов, которые выделил Бакунин в программе 1865 г., написав на полях рукописи: «Наша социалистическая программа»*.

Прежде чем конкретно говорить о первых построениях его русской программы, обратимся к обстоятельствам, связанным с созданием «Народного дела».

С весны 1868 г. Бакунин жил в местечке Веве, расположенном в окрестностях Женевы. Здесь он быстро сблизился с кругом молодых русских: Н. И. и А. С. Жуковскими, О. С. Левашовой, М. К. Элпидиным, С. Я. Жемановым, А. Я. Щербаковым, Н. И. Утиным. С последним он познакомился еще в 1863 г. в Лондоне и первые годы вопреки собственным позднейшим заявлениям (в статье «Интриги г-на Утина») относился к нему в целом благожелательно**. О том, как первоначально относился к Бакунину Утин, мы не знаем, но в целом молодую эмиграцию привлекала простота и дружелюбность обращения старого революционера, решительность его воззрений.

Бакунин же, по словам З. К. Ралли, рассчитывал привлечь своих молодых соотечественников к создаваемому им тайному Интернациональному революционному союзу. «Для начала он обратился с этой целью к Ник[олаю] Иван[овичу] Жуковскому, который привлек за собой Н. Утина, Ольгу Левашову и еще нескольких “дам”. <...> Кружок этот, по предположению Бакунина, должен был дать ему людей для образования интернациональной ветви русских братьев»***.

Идея создания русского журнала, по свидетельству Бакунина, принадлежала Жуковскому. «Жук в то время, — вспоминал он позднее, — предложил мне основать русскую газету. Муж г-жи Левашовой дал для этой цели тысячу рублей. Но г-жа Левашова, которая возгорелась безумной страстью к Утину, хотела, чтобы последний принял участие в редакции газеты. Между нами и Утиным было абсолютное несходство <...> характеров, темпераментов, целей. Мы хотели само дело, Утин заботился только о себе. Я долго противился всякому союзу с Утиным. Наконец я устал и уступил»****.

* Бакунин М. А. Программа общества международной революции // Михаил Бакунин: Сборник. М., 1926. С. 101.

** В марте 1864 г. Бакунин писал Герцену: «Где и что Утин (Николай)? Передай ему словесно или письменно мой усердный поклон. Что делает он и чем занимается?» (Письма... С. 263.)

*** Ралли З. К. Из моих воспоминаний о Бакунине // О минувшем: Ист. сб. СПб., 1907. С. 313.

**** Бакунин М. Избр. соч. Т. II; М., 1921. Т. V. С. 141.

Уступка эта состояла в том, что почти весь первый номер журнала написал он сам. Что же представляло собой это издание и на какую читательскую аудиторию оно рассчитывало? «Народное дело» приглашало все живые силы сплотиться «вокруг знакомого им знамени, поднятого в первый раз в конце 50-х годов руками людей <...> имена которые живут в наших сердцах, поощряя нас к делу». Речь шла о Чернышевском и Добролюбова. О них и их последователях Бакунин стал писать с середины 60-х годов*.

Призывая революционную молодежь, он обращался и к деятелям недавнего революционного движения, чьи мысли, стремления и «страстная воля» ознаменовали конец пятидесятых — начало шестидесятых годов. «<...> Мы будем смотреть на них как на чрезвычайную силу, — писал он. — Пусть они отзовутся, дадут нам так или иначе знать о себе, мы встретим их с уважением и будем с радостью учиться у них»**.

Писал он и о тех из «наших друзей», которые «ухватились» за земскую и судебную реформы как за последнее средство спасения. Начинающееся вокруг земств движение казалось Бакунину полезным в том смысле, что вырывало людей из «абстрактного созерцательного и во всех отношениях вредного одиночества», знакомило их с действительными нуждами народа, сближало с ним. Однако участие в этом движении допускалось Бакуниным только при том условии, что «друзья наши не перестанут стремиться к единственной серьезной цели нашего времени, к социально-политической революции».

Общие программные положения Бакунина были широко известны. Он выступал на конгрессах Лиги Мира и Свободы, писал многочисленные статьи, особенно во французской демократической прессе, и везде пропагандировал свои идеи. Очевидно, что женевская группа русских эмигрантов была с ними знакома и в известной мере солидарна, когда взялась за издание, совместно с Бакуниным, «Народного дела».

Как же формулировал он «Нашу программу»? «Мы хотим полного умственного, социально-экономического и политического освобождения народа». Умственного, потому что без него невозможна полная политическая и социальная свобода; социально-экономического — поскольку иначе «всякая свобода была бы отвратительной и пустозвонной ложью».

Далее перечислялись меры, необходимые, по Бакунину, для полного освобождения народа. Они состояли в упразднении права

* Письма... С. 293.

** Народное дело. 1868. № 1. Сент. С. 4.

наследственной собственности, уравниении прав женщин с мужчинами, уничтожении семейного права, связанного с правом наследства, содержании детей обществом, воспитании и образовании, равных для всех. Земля должна была принадлежать земледельческим общинам. «Капиталы и все орудия работы — работникам — рабочим ассоциациям». Будущая организация общества мыслилась как свободная федерация рабочих и земледельческих артелей (ассоциаций). «Мы хотим, — говорилось в заключение этого документа, — полной воли для всех народов, ныне угнетенных империею, с правом полнейшего самораспоряжения на основании их собственных инстинктов, нужд и воли, дабы, федерируясь снизу вверх, те из них, которые захотят быть членами русского народа, могли бы создать сообща действительно вольное и счастливое общество в дружеской и федеративной связи с такими же обществами в Европе и в целом мире»*.

К новым формулировкам здесь можно отнести лишь упоминание о возможности другим народам стать «членами русского народа». Но это лишь конкретизация уже известного понятия «национальной семьи», которая должна быть связана с задачами и целями «семьи интернациональной»**.

Повторяя свои основополагающие идеи, Бакунин и здесь как исходный пункт социальных преобразований весьма неудачно выдвигал требование уничтожения права наследования. Если отмена права наследования на землю и в промышленных странах могла бы оттолкнуть от революционного движения крестьянские массы, то расчет на успех подобной идеи в аграрной стране был по меньшей мере наивен***. Однако приверженность к теоретическим принципам, вопреки реальной действительности, была характерна для многих программных построений Бакунина.

В целом «Наша программа», отличаясь несвойственной ему краткостью изложения, кончалась сообщением, что развитие ее принципов будет предметом ряда особых статей под заглавием «Постановка революционных вопросов».

Первая из них была посвящена проблеме «наука и народ». Именно так называлась статья Бакунина в этом же номере журнала.

* Там же. С. 9. В литературе авторство этой программы приписывается иногда Жуковскому. Однако идеи и формулировки бесспорно принадлежат Бакунину. Со стороны Жуковского могла быть лишь редакционная правка.

** Бакунин М. А. Программа общества международной революции. С. 77–78.

*** Несостоятельность подобных идей представлена К. Марксом. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 383–385.

Выбор темы не был случаен. Он обуславливался конкретными обстоятельствами в идейной жизни русского общества: проявлением живого, горячего интереса к просвещению народа и к проблеме позитивизма. Бакунин не был оторван от российской действительности. Он читал русскую прессу, общался как с кругом эмигрантов, так и с людьми, приехавшими из России, переписывался и встречался с родными. Последнее обстоятельство немаловажно, поскольку братья и другие родственники Михаила Александровича играли определенную роль в общественной и культурной жизни общества.

Движение за народные школы, статьи о проблеме всеобщего обучения в русских журналах 60-х годов были известны Бакунину, еще ближе был он знаком с позитивизмом, его западными и русскими представителями. В предыдущей главе говорилось о критике Бакуниным этого направления науки, оставляющего в толковании мироздания место для религии. В религии и невежестве народных масс видел Бакунин опору самодержавия. Разрушение этой опоры он считал наиважнейшей задачей социальной революции. Именно поэтому он выбрал темой первой программной статьи проблему соотношения науки и народа.

«Сторонники революции — мы враги не только всех религиозных попов, но также и попов науки; враги всех утверждающих, что религия нужна для народа <...>. Мы хотим разрушения всякой народной религии. <...> Мы хотим для народа разумного, строгого научного знания»*.

Народное невежество может быть побеждено окончательно только наукой. Но у народа нет возможности и средств подлинного просвещения, правительство же располагает неограниченными возможностями и впредь препятствовать образованию народа. В этом Бакунин видел социальный вопрос, который может быть разрешен не сетью народных школ, а только революцией. «Да, народные школы, без сомнения, прекрасное дело. Только кто даст народу время, охоту, возможность их посещать или посылать в них своих детей? Ведь он задавлен работою, которая еле спасает его от голода. И кто будет устраивать школы? Правительство, дворянство, богатые люди, попы, т. е. те самые, против которых именно надо устраивать народные школы. Ведь это нелепость»**.

Попытки осуществить «эту нелепость» принадлежали часто людям из дворянского сословия, «искренно преданным делу народного просвещения и народного освобождения». Это, по его словам,

* Народное дело. 1868. № 1. С. 38.

** Там же. С. 40.

«странное явление» он не без основания приписывал влиянию просвещения, обладающего «такою плодотворною силою, что несмотря на все гнусные политические и экономические условия <...> оно успело образовать даже в дворянской среде <...> людей, ненавидящих рабство, любящих справедливость и требующих более человеческих отношений к народу»*.

Следует заметить: всегда, когда дело касалось просветительной или революционной деятельности дворян, Бакунин подчеркивал, что те, кто вступал на этот путь, не выражали взглядов своего сословия, а напротив, они жили и действовали наперекор привычкам и интересам «той касты, к которой принадлежали по рождению». В целом же дворянство всегда было опорой и союзником царской власти, «пагубной для народа и едино спасительной для дворянства»**.

Представляет интерес объяснение Бакуниным определенных изменений в степени участия представителей дворянства в освободительной борьбе в послереформенные годы. «Логика сословных интересов» способствовала, по его словам, уменьшению «числа имущих дворян <...> в наших рядах». На смену им пришли разночинцы, в которых «состоит теперь наша народная противогосударственная фаланга — посредница между революционною мыслью и народом»***.

Возвращаясь к вопросу о школах, Бакунин не отрицал их пользы. Он писал: «Будем устраивать и помогать устройству школ, в крайнем случае даже правительственных, где и сколько будет возможно. Но не будем себя обманывать, мы путем школ никогда не добьемся положительных результатов»****.

Считая себя обязанным вести пропаганду против религии, вполне основательно полагая, что «религия в нашем народе болезнь только накожная, отнюдь не проникшая в глубь его жизни»*****, он вместе с тем советовал молодежи: «Поступайте осторожно с верой народа. Не потакайте ей, не притворяйтесь перед нею, но и не оскорбляйте ее. Иначе вы оттолкнете народ от себя, прежде чем он успеет увериться в нашей честной преданности его делу <...> Боритесь против народного суеверия <...> Но там, где противурелигиозная пропаганда могла бы восстановить его против нас, вы должны решительно воздержаться»6*.

* Там же. С. 41.

** Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. Женева, 1896. С. 185.

*** Народное дело. 1868. № 1. С. 43.

**** Там же. С. 46.

***** Там же.

6* Там же. С. 47.

Главное направление революционной пропаганды должно было быть направлено против царя, помещиков, чиновников, на пробуждение сознания народного, на соединение всех местных разрозненных движений в одно «всенародное дело». Но сам путь пропаганды Бакунин не считал радикальным. Окончательно освободить народ от религии, создать условия для народного образования могла лишь социальная революция.

Следует отдать должное Бакунину. Тон его первой программной статьи в вопросах народного образования и народной религии был еще в меру тактичен, критика позитивизма обоснованна и объективна.

Однако совместная деятельность Бакунина с группой «Народного дела» на этом кончилась. Обстановка в редакции сложилась столь неблагоприятно для Бакунина, что он вместе с Жуковским вынужден был прекратить свое дальнейшее участие в издании. Конфликт, как уже упоминалось, начался еще во время подготовки первого номера журнала. «После короткого опыта, так как деньги были, собственно, г-жи Левашовой, я оставил Утину газету вместе с ее названием»*.

В следующем номере «Народного дела» (№ 2–3) после заявления об этом, шло сообщение редакции, что она «не находится в ведении одного какого-либо лица и состав редакции не представляет собой никакого личного значения: она может изменяться, смотря по обстоятельствам, но притом никак не может измениться направление журнала»**.

Доказательством тому служила помещенная в этом же номере статья Утина «Пропаганда и организация. Дело прошлое и дело настоящее». «Тот, кто сознательно читал нашу программу, должен был понять, что осуществление ее может быть доступно не иначе, как по разрушении всех тормозов материальной и умственной жизни народа <...>. Подобными тормозами и препятствиями представляются вся государственная, политическая, административная и финансовая машина и все социальное устройство, основанное только на личных интересах привилегированного барства»***. Далее Утин ратовал не только за уничтожение буржуазного государства, но и «всякого авторитарного государственного социализма», за федеративную организацию будущего общества. «Федеративная связь, — писал он, — полагает существенным условием своим полное, всестороннее, самобытное развитие как каждой особой народности, так и вообще

* Бакунин М. А. Избр. соч. Т. V. С. 141.

** Народное дело. 1868. Окт. № 2/3. С. 3.

*** Там же. С. 25.

всякой группы, сплоченной одними и теми же интересами»*. Под этим текстом мог бы подписаться и Бакунин. А если редакция журнала продолжала разделять его взгляды, то вполне понятно, что она, как пишет Б. П. Козьмин, «не считала необходимым пересматривать программу, изложенную в первом номере»**.

В следующих номерах «Народного дела» опять-таки развивались близкие Бакунину идеи. Так, в № 7–10 (1869) акцент делался на преимущество, которым будто бы обладает «русский пролетариат по сравнению с западным <...> То, к чему западный пролетариат приходит наконец путем критического сознания и теоретического развития, то уже составляет реальное явление в жизни русского пролетариата»***.

Впрочем, Утин шел даже дальше Бакунина. «Вопрос о земле, без которой немислима воля <...> это и есть тот коренной существенный вопрос всемирного пролетариата» — так ставил Утин основной социальный вопрос революционной борьбы для Западной Европы и России****.

Анализируя взгляды публицистов «Народного дела», Б. П. Козьмин приходит к выводу, что они в понимании общественных явлений не только далеки были от Маркса, но и, выступая с позиций идеализма, делали «несомненный шаг назад по сравнению со своим учителем Чернышевским, нередко дававшим при анализе конкретных исторических и социальных проблем глубокое материалистическое их решение»*****.

Приведенные здесь теоретические соображения Утина свидетельствуют о несостоятельности утверждений ряда исследователей, ищущих причины разрыва Бакунина с «Народным делом» в анархизме старого революционера^{6*}.

Если бы это было так, то редакция после ухода Бакунина не стала бы в следующем номере декларировать неизменность программы

* Там же. С. 39.

** *Козьмин Б. П.* Русская секция первого Интернационала. М., 1957. С. 98.

*** Народное дело. 1869. № 7/10. С. 143.

**** Там же. С. 134.

***** *Козьмин Б. П.* Указ. соч. С. 179.

^{6*} *Стеклов Ю. М.* Михаил Александрович Бакунин: Его жизнь и деятельность. М.; Л., 1927. Т. 2. С. 364; *Горохов В. М.* Русская секция I Интернационала. М., 1925. С. 24; *Ульман Г. С.* Маркс и Энгельс о Нечаеве и Нечаевском процессе // Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Л., 1948. Т. 62. С. 235, 241; *Итенберг Б.* Первый Интернационал и революционная Россия. М., 1964. С. 37. Отчасти эту же точку зрения ранее разделяла и автор настоящей работы. См.: *Пирумова Н.* Бакунин. М., 1970. С. 265.

журнала и пропагандировать анархистские идеи. В чем же состояла подлинная причина разрыва Бакунина и Жуковского с группой «Народного дела»?

Б. П. Козьмин видел ее в стремлении Бакунина «установить как бы диктатуру эмиграции над всем революционным движением в России», в желании его сделать революционеров на родине «исполнителями предначертаний, получаемых из-за рубежа», часть же эмиграции во главе с Утиным считала, что руководителем движения должен быть центр, созданный и действующий в России*. Согласиться с подобным утверждением нельзя. Сам Козьмин не привел на этот раз никаких аргументов в пользу своей гипотезы, за исключением «диктаторских замашек» лидера анархизма. Действительно, при всем уважении Бакунина к молодой эмиграции, защите ее перед Герценом он сам бывал с ее представителями нетактичен, резок, грубоват, не считался с чужими характерами, самолюбием. Однако эти черты личности Бакунина не были определяющими для его взглядов на организацию революционного движения. Его стремление к созданию революционного центра именно в России, его желание подчиниться этому центру подтверждались его деятельностью как в годы первой революционной ситуации, так и в конце 60-х годов, когда он снова вернулся к реальному участию в русском движении. Желание же его установить связи западноевропейского и русского революционного движений опять-таки не означало установления диктатуры Бакунина или части эмиграции, с ним связанной. Разрыв же с Утиным и его товарищами произошел не столько на идейной почве, сколько на «абсолютном несходстве характеров, темпераментов, целей». Последние слова, принадлежащие Бакунину и взятые под сомнение Б. П. Козьминым, должны быть приняты в расчет. Не раз в своей жизни Бакунин расходился с людьми именно на этой основе. Нельзя не учитывать и особенностей личности и его оппонента.

Утин был человеком способным, имевшим за плечами немалый опыт политической борьбы, стремившимся к самостоятельности в своих действиях. Но сверх меры он был наделен честолюбием, склонностью к интригам. Отрицательные черты его характера достаточно полно проявились уже в конфликте с Герценом, который произошел из-за нежелания последнего подчиниться настоячивым предложениям Утина преобразовать «Колокол», сделав его органом всей эмиграции, либо передать часть средств Бахметьевского фонда на «общее дело», т. е. на создание нового журнала. После неудачи с Герценом Утин попробовал привлечь Бакунина. Через год в письме

* Козьмин В. П. Указ. соч. С. 98.

А. Д. Трусову¹ Утин объяснял, что желал «анонимности журнала», хотел, чтобы он не был «личным органом кого бы то ни было»*. Желание это осталось неудовлетворенным. Бакунин был слишком крупной индивидуальностью, чтобы даже анонимное его участие не придало изданию определенные черты его личности. Однако сам он был настолько заинтересован в установлении связей с Россией, что по собственному желанию вряд ли оставил бы журнал.

Утин же, однако, именно так пытался представить дело, когда писал Трусову, «что Бакунин не способен ни к какой выдержанной работе, что, увлекаясь, как тщеславный старый ребенок, он бросается с одного на другое и готов бросить журнал только потому, что не видел еще кануна революции в России и мечтал о наступлении революции в Женеве»**. Дело было проще. Утин имел основание рассчитывать на ведущую роль в редакции, при участии же в издании Бакунина, как показал опыт первого номера, это было невозможно. Таковы, по нашему мнению, были причины и обстоятельства разрыва Бакунина с группой «Народного дела».

По поводу этого разрыва Огарев писал Герцену: «“Народное дело”, кажется, разошлось оттого, что люди между собой разошлись. Как это ни жалко, а все же тем паче этого нельзя поправить»***. Герцен не жалел о случившемся. Он скептически отнесся и к появлению журнала и к изложенной в его первом номере программе. Однако это не помешало Александру Ивановичу указать Утину на недопустимость бесцеремонного обращения со старым революционером. «Бакунин слишком крупен, чтоб с ним поступать *somaiement*****. У него есть небольшие недостатки — и огромные достоинства. У него есть прошедшее, и он — сила в настоящем» — так писал Герцен Утину в 1869 г.*****

Эту силу признавала и европейская демократия, встречая Бакунина овацией на Международном конгрессе Лиги Мира и Свободы в Женеве. Цель его появления там была в пропаганде анархистских идей, но он говорил и о положении России, о русском народе и его истории.

Первое выступление Бакунина (10 сентября 1867 г.) было коротким. Он высказывался за поражение самодержавия в любой войне, так как всегда «неудачи царя несколько облегчали бремя импера-

* Литературное наследство. М., 1955. Т. 62. С. 687.

** Там же. С. 688.

*** Литературное наследство. М., 1941. Т. 39/40. С. 522.

**** Бесцеремонно (*фр.*).

***** Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. XXX. С. 158.

торского самовластия», и призывал к разрушению всех государств, чтобы на развалинах «этих единств, организованных сверху вниз деспотизмом и завоеванием, могли развиваться единства свободные, организованные снизу вверх свободной федерацией общин в провинцию, провинций в нацию, наций в Соединенные Штаты Европы»*.

Вторая речь, произнесенная год спустя (1869) на другом заседании конгресса, в Берне, служила цели разъяснить слушателям ту огромную разницу, которая существовала между понятием всероссийской империи и народом. В историческом экскурсе Бакунин доказывал «искусственность» возникновения централизации, подчеркивал самобытность народной жизни, ничем кроме гнета не связанной с государством, весьма вольно толковал веру народа в общность земли. Он искал ее истоки в периоде феодальной раздробленности, когда крестьяне будто бы «кочевали» вместе с дворянством и князьями и потому «земля в действительности не принадлежала никому, т. е. она принадлежала всему народу»**.

С бóльшим основанием он объяснял царистские представления народа. «Знаете, — говорил он, — что означает это воображаемое обожание русского царя народом? Это — проявление ненависти к дворянству, к официальной церкви, ко всем государственным чиновникам, т. е. ко всему, что составляет самую суть императорского могущества <...>. Царь для народа <...> подобно богу <...> только отвлеченность»***.

Далее, переходя к проблеме организации революции и поставив риторический вопрос о том, «кто ее сумеет направить», он отвечал: революционная русская молодежь. Бакунин называл ее «армией осмысленной и энергичной», состоящей из детей мецан или разорившегося дворянства, число которых, по его весьма умозрительным представлениям, простиралось до 40, даже до 50 тыс. человек.

Мы коротко остановились лишь на русском аспекте выступлений Бакунина. В целом же это было широкое изложение его программных принципов, касающихся как обоснования уничтожения всех государств, так и будущей организации общества. В то же время им было написано «Мотивированное предложение Центральному комитету Лиги Мира и Свободы», выпущенное отдельной брошюрой под названием «Федерализм, социализм и антитеологизм»****. Обращения Бакунина к делегатам заседаний конгресса вряд ли имели практи-

* Бакунин М. Избр. соч. Т. II; М., 1920. Т. III. С. 100–102.

** Там же. С. 104.

*** Бакунин М. Избр. соч. Т. III. С. 108.

**** Там же. С. 122–216.

ческий смысл, но опубликованные речи и брошюры его получили определенный общественный резонанс.

Для нас важна позиция А. И. Герцена. На приглашение участвовать в конгрессе Лиги Мира и Свободы он ответил отказом, речи Бакунина ему не нравились, однако он писал Огареву: «Бакунин и Вырубов*, хотя и вздор пороли и пису** помешали, но я очень доволен, что русский голос явился там»***.

Из тактических соображений Герцен решил «писать в их пользу». 15 октября во французском «Колоколе» появилась его статья, в которой он оправдывал участие русских с целью использования европейской трибуны, мало того, он заявлял о своей солидарности. «Русские могли воздержаться, как это сделали мы; но, принимая участие в конгрессе, они могли появиться, только высоко держа наше знамя, знамя нигилизма»****.

Позднее Бакунин понял тщетность своих надежд на организацию, чуждую подлинным интересам народов. «К стыду своему, — писал он в 1869 г., — я участвовал в этой буржуазной лиге и в продолжение целого года имел глупость не отчаиваться обратиться к принципам социализма»*****. Но тогда, вскоре после второго конгресса Лиги, он еще считал, что его выступления были к месту и ко времени подходящи. Поэтому он и решил послать их К. Марксу. «Посылаю тебе бандеролью все речи, которые я произнес в Берне», — писал Бакунин, напоминая, что выслал ему также «Программу русской социалистической демократии», изданную в Женеве в сентябре 1868 г.^{6*} Кратко обозначая содержание своей программы, он сообщал, «что первым условием действительного, то есть экономического, социального и политического, освобождения русских и нерусских народов, томящихся в Российской империи, является радикальное разрушение этой империи»^{7*}.

* Н. Г. Вырубов также выступал на конгрессе.

** Производное от англ. слова peace — мир.

*** Герцен А. И. Собр. соч. Т. XXIX. С. 451.

**** Там же. Т. XX. С. 382.

***** Стеклов Ю. М. Указ. соч. Т. 2. С. 365.

^{6*} Речь здесь идет о перепечатке «Нашей программы» из № 1 «Народного дела».

^{7*} К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967. С. 167.

2. Программные вопросы полемики Бакунина с Герценом

Разномыслие между Герценом и Бакуниным, определившееся в начале 60-х годов, продолжало углубляться. Разные представления о путях и судьбах борьбы за освобождение народа все больше разводили старых товарищей.

Весной 1866 г. погруженный в европейские конспирации и планы международной революции, не определивший еще места в них русского движения, Бакунин писал Герцену: «Прежде, чем я решусь высказать свои убеждения насчет настоящего положения России и русского дела, мне хочется, мне необходимо еще раз подробно и долго обо всем переговорить *en trois** с вами. Расходясь с вами, кажется, во многом, — разумеется, только в путях, а не в целях, — я так высоко ценю сознательную глубину и силу ваших убеждений, что не могу и не хочу выступать наружу со своими, не попытавшись еще раз проверить их вашей мыслью»**.

Бакунин был прав, говоря лишь о «проверке мыслью». Об изменении каких-либо положений, укрепившихся в сознании людей, за плечами которых у каждого был свой немалый опыт, свой характер, темперамент, склад жизни, не было речи.

Говорят, что в споре рождается истина. Именно такой спор нужен был им троем. Он помогал лучше сформулировать и укрепить в собственном сознании те позиции, которые каждая из полемизирующих сторон считала истинными.

Пolemика их второй половины 60-х годов делится как бы на два периода. В первом из них (1866–1867) наступал Бакунин. Он резко, и часто справедливо, критиковал тактику издателей «Колокола»; на втором этапе наиболее активная позиция принадлежала Герцену. Критика его была шире и глубже, многогранней.

В 1866 г. своего рода программным документом стало письмо Бакунина Герцену от 19 июля. Оно касалось вопросов тактики освободительной борьбы, отношения к молодежи, критики либералов, проблем государства и общины.

Определяющим пунктом противоречий были способы борьбы с самодержавной властью. Обращение «Колокола» к правящим верхам представлялось Бакунину неправомерным.

«Я просто не понимаю, — писал он 19 июля 1866 г., — ваших писем к государю, ни цели, ни пользы: вижу в них, напротив, тот

* Втроем (*фр.*).

** Письма... С. 271–272.

вред, что они могут породить в неопытных умах мысль, что от государства вообще, и особенно от всероссийского государства и от представляющего его правительства, можно ожидать еще чего-нибудь доброго для народа. По моему убеждению, напротив, делая пакости, гадости, зло, они делают свое дело <...>. Вы утверждаете, что правительство, как оно было поставлено, могло сделать чудеса “по плюсу и по минусу” («Колокол» 15 дек. 65, стр. 1718), а я убежден, что оно сильно только в минусе и что никакой плюс для него недоступен».

Государство, построенное «на радикальном отрицании народной самостоятельности и народной жизни... переродиться в народное государственное устройство не может». Не может, считал Бакунин, «иссякнуть и нужная для государства реакционная политика <...> И вы от этой необходимой реакции ждете чудес по психозу? И вы печатно предполагаете возможность такого императора, который <...> совместил бы в себе царя и Стеньку Разина? Любезные друзья, я не менее вас решительный социалист, но именно потому, что я социалист, я решительно не допускаю совместимости социального преуспеяния России <...> с дальнейшим существованием всероссийского государства»*.

Бакунин был прав, самодержавие по своей классовой природе не могло быть совместимо с народным благом. Но у Герцена были теоретические основания, объясняющие его тактику в этом вопросе. В основе его отношения к верховной власти в России с давних пор лежал сенсимонизм. Неясное представление о причинной связи между экономикой и политикой вело к непониманию большинством социалистов-утопистов того, что пределы возможного для всякого правительства определяются характером экономических отношений. Бакунин, считая невозможным изменение существа правительственной власти в России, в известной мере это понимал**, позиция же Герцена в вопросе оценки верховной власти теоретически была значительно слабее***.

В конфликте Герцена с молодым поколением Бакунин в целом был на стороне молодых, хотя собственное столкновение с Утиным

* Там же. С. 279, 286, 288.

** В том же письме он говорил и о «мнимом» освобождении крестьян, которое свелось к превращению «помещичьих крестьян в государственных»; о том, что «самосохранение» эксплуататорского государства требует его военно-бюрократической формы, которая, в свою очередь, сводится к тому, чтобы «теснить и разорять народ и т. д.» (Письма... С. 226.)

*** На это обстоятельство в свое время обратил внимание Г. В. Плеханов (*Плеханов Г. В. А. И. Герцен и крепостное право // Избр. философские и социально-экономические произведения. М., 1958. Т. IV. С. 616.*)

на время и охладило их безоговорочную поддержку. Призывая Герцена отказаться от обращений «к лысым друзьям-изменникам»*, к царю и правительству, он писал: «Ищите публики новой в молодежи, в недоученных учениках Чернышевского и Добролюбова, в Базаровых, в нигилистах — в них жизнь, в них энергия, в них честная и сильная воля <...>. Эта публика сильна, молода, энергична — ей надо полного света и не испугаете вы ее никакой истиною... Давайте ей всю истину, чтобы она... могла узнать, куда идти и куда вести народ»**.

Возмущение Бакунина первым откликом Герцена на выстрел Д. В. Каракозова, покушавшегося на жизнь Александра II***, было обусловлено той же линией поддержки молодого поколения. Не будучи сторонником террора («я так же, как ты, не ожидаю ни малейшей пользы от царевубийства в России, готов даже согласиться, что оно положительно вредно, возбуждая в пользу царя временную реакцию»****), Бакунин писал, что «ни за что в мире <...> не бросил бы в Каракозова камня и не назвал бы его печатно “фанатиком или озлобленным человеком из дворян” <...>. Несмотря на теоретический промах его, мы не можем отказать ему в своем уважении и должны признать его “нашим” перед гнусной толпой лакействующих царепоклонников»*****.

Анализируемое письмо Бакунина содержит значительный материал, помогающий установить степень его причастности к «русскому социализму». Выше мы упоминали об обращении его к роли общинного уклада народной жизни еще в 40-х годах. «Характер русской революции, как революции социальной, предуказан заранее и коренится во всем характере народа, в его общинном укладе», — писал он в 1849 г.^{6*} Ранее Герцена обратясь к этой идее, Бакунин в целом остался ей верен и в последующие годы, однако это не исключало его критического отношения к этому институту. Бакунин видел пороки общины в отсутствии свободы ее членов, ее замкнутости, патриархальности, бесправии лица перед миром, отсутствии справедливости, принижении женщины. «Прибавьте к этому мгновенное обращение всякого выборного крестьянина в притеснителя чиновника-взяточника — и картина будет полная»^{7*}.

* Письма... С. 280.

** Там же. С. 293.

*** Колокол. 1866. 1 мая. Л. 219.

**** Письма... С. 291.

***** Там же.

^{6*} Бакунин М. А. Собр. соч. и писем. Т. 3. С. 408.

^{7*} Письма... С. 284.

Далее он характеризовал те «добродетели», которые видели в общине Герцен и Огарев: «Отсутствие <...> юридического права, замененного в великорусском народе неопределенным и в отношении собственно к лицам крайне бесцеремонным и даже совершенно отрицательным правом: другое, пожалуй, положительное, хотя и весьма темное инстинктивное понятие народа о праве каждого крестьянина на землю, понятие, которое, если разобрать его строго, отнюдь не утверждает права всего народа на всю землю»*.

Эти слова Бакунина представляют важнейший момент в его размышлениях о судьбах общины. В связи с известной идеализацией ее Герценом он вынужден был переосмыслить свои представления об общинном укладе и здесь-то обнаружил единственный, по существу, положительный элемент, да и тот весьма сомнительного свойства. Позднее он отбросит эти сомнения и будет решительно утверждать наличие в народе идеала, т. е. веры в право всего народа на всю землю, но пока он полагал, что это право в народном сознании неразрывно связано с царистскими представлениями. «“Земля наша, а мы государевы” — с этим понятием, друзья мои, русский народ уйдет не далеко».

Изменит он свои формулировки и о значении самоуправления общины, но дело будет не столько в сущности его представлений, сколько в логическом обосновании революционно-народнического варианта идеологии, требующего четко сформулированных положительных начал. Сами же эти начала действительно существовали, а развить их, по твердому убеждению и Бакунина и Герцена, должно было социальное переустройство жизни.

В этом же письме он говорил, что в проблеме общины есть другая сторона, «бунтовская, Стеньки-Разинская, Пугачевская, раскольничья — единственная сторона, от которой должно, по-моему, ждать морализации и спасения для русского народа. Ну, да это сторона уж не мирно развивающаяся, не государственная, а чисто революционная, революционная даже и тогда, когда она пробуждается с призывом царского имени».

Только революция, одновременно социальная и политическая, может дать импульс развития заключенным в общине творческим началам, только она и может спасти саму общину от начавшегося разложения. «Община наша не имела даже и внутреннего развития <...> а если в ней, благодаря напору государственности, стало заметно подобие внутреннего процесса, так это процессы разложения — всякий мужик побогаче да посильнее других стремится всеми силами вырваться из общины, которая его теснит и душит»**.

* Там же. С. 285.

** Там же. С. 284, 285.

В разложении общины была, по Бакунину, угроза революции, угроза федеративной организации жизни — безгосударственному социализму. Главный пафос письма Бакунина был направлен на то, чтобы убедить старых друзей в истинности анархо-революционного пути развития России.

«Ты социалист, — обращался он к Герцену, — поэтому ради последовательности должен быть врагом вообще всякого государства, несовместного с действительным, вольным, широким развитием социальных интересов народов <...> Или ты социалист-государственник <...>?»*

На том историческом этапе развития Герцен был сторонником республиканских и демократических государственных форм. Эти мысли он сформулировал в ноябре 1867 г. в статье «Ответ на призыв к русским польского республиканского центра». Поляки предлагали участие в Европейском республиканском союзе. Герцен считал подобное объединение в тех условиях несвоевременным, практически невозможным.

«Социалисты, прежде всего, мы глубоко убеждены, что общественное развитие возможно только при полной республиканской свободе, только при полном демократическом равенстве»**. Но иллюзий о возможности установления в то время во всей Европе полной свободы и равенства Герцен не питал. Он видел существующий «вотум невежества, вотум продажности, упадка <...> — вотум против нас»***. И хотя «разум, истина, нравственность явно находятся на стороне республиканцев <...> но ни истина, ни нравственность, ни тем более разум не являются обязательными и не могут навязываться силой; у них нет права на насильственные признания, на вступление во владение против воли народов»****.

Так Герцен формулировал те мысли, которые два года спустя легли в основание его писем «К старому товарищу». В письме к Огареву, говоря о своем отношении ко взглядам Бакунина, он писал: «Моя статья о Польше провела между нами ту черту, которую я давно хотел обозначить»*****.

Развитию уже явно определившихся теоретических разногласий была посвящена первая редакция писем «К старому товарищу»^{6*},

* Там же. С. 174.

** Герцен А. И. Собр. соч. Т. XX. С. 88.

*** Там же. С. 91.

**** Там же.

***** Там же. Т. XXIX. С. 322.

^{6*} О первой и последующей редакции этой работы: Путинцев В., Черняк Я. Герцен и его письма «К старому товарищу» // Литературное наследство. Герцен и Огарев.

носившая название «Между страничками». Тексту предшествовал эпиграф из Бентама², сохраненный позже и в самой статье: «Одни мотивы, как бы они ни были достаточны, но могут быть действительны без достаточных средств». Эти знаменательные слова заключали в себе ту же мысль, что и в ответе на призыв «польского республиканского центра», ту же мысль, что не раз звучала за последние годы в личных письмах, адресованных Бакунину.

В середине марта 1869 г. рукопись статьи Герцен отправил Огареву, находившемуся в Женеве, и просил его показать текст Бакунину. Последний нашел статью несправедливой и выразил желание отвечать на рукопись с тем, чтобы потом опубликовать всю полемику. Герцен поддержал эту мысль: «Его, т. е. Бакунина, мнение о статье интересно; он бы написал, я бы отвечал. Молодые учились бы полемике без подтасовки, а может и еще кое-чему»*. Но полемика в задуманной форме не состоялась: ей помешал приезд С. Г. Нечаева.

Бакунин так и не прислал Герцену полемического ответа на первую редакцию статьи, Огарев же прислал. Он работал над своими замечаниями в то время, когда сблизился уже с Нечаевым и во многом сошелся с Бакуниным. Однако позиция Огарева была вполне самостоятельной, он оспаривал ряд положений той и другой стороны. Отсутствие ответа Бакунина на статью Герцена компенсировалось его прокламациями осени и зимы 1869/70 г.**

Суть спора***, по существу, сводилась к оценке времени, сил и средств будущих революционных преобразований. Герцен полагал, что звать к оружию можно «лишь накануне битвы»****, время же ее еще не наступило. Полное изучение готовности народа, сил и средств борьбы должно предшествовать «работе осуществления»*****. Огарев отстаивал примат революционной практики^{6*}. У Бакунина вопрос о времени революции и готовности к ней народа не вызывал сомнений. Он был уверен в наличии «могучего народного инстинкта», представлявшегося ему в виде всегдашней готовности к бунту, был уверен и в наличии «революционной мысли», способной объединить разрозненное движение. Именно поэтому он писал: «У кого есть

* Герцен А. И. Собр. соч. Т. XXX. С. 72.

** Подробнее об этих прокламациях см. дальше в этой же главе.

*** Подробнее полемика между Герценом, Огаревым и Бакуниным представлена нами в книге «Герцен. Революционер, мыслитель, человек» (М., 1988).

**** Герцен А. И. Собр. соч. Т. XX. С. 570–577.

***** Там же.

^{6*} Огарев Н. П. Ответы «старому другу» // Литературное наследство. Т. 61. С. 196.

сердце для действий народных, тот должен думать теперь об одном: как бы соединить все эти местные бунты в один бунт всенародный, способный победить и свалить государство»*.

Для Герцена и Бакунина движущей силой революции был народ, но посылки обоих революционеров при определении потенциальных возможностей крестьянства были различны. Бакунин считал, что народ «социалист по положению и инстинкту», Герцен полагал, что народ по инстинкту — консерватор. При этом Бакунин не отрицал естественного консерватизма крестьянского быта, что не мешало ему преувеличивать значение социальных инстинктов, а стремление народа к земле и воле трактовать как стихийное, веками существовавшее народное сознание, направленное на разрушение всех государственных установлений. Полемизируя с Герценом по поводу пропаганды подобных идей, он писал: «Ты говоришь <...> что, как масса не приготовлена еще к их осуществлению, проповедовать их теперь непрактично. Я на это не согласен. Мысли эти потому и имеют за себя будущее, что они стихийным образом живут и всегда жили в потребностях масс»**.

В качестве аргумента Бакунин привлекал «разбойный мир». К пониманию им этого термина мы еще вернемся, здесь же отметим еще одну важную линию разногласий старых товарищей — отношение народа к государству.

Согласно доктрине Бакунина, народ решительно не приемлет государства, живет своей, не связанной внутренне с ним жизнью. На подобные противопоставления Герцен возражал: «Государство, церковь, войско отрицаются так же логически, как богословие, метафизика и пр. В известной научной сфере они осуждены, но вне ее академических стен они владеют всеми нравственными силами. <...> Старый порядок вещей крепче признанием, чем материальной силой, его поддерживающей»***.

Бакунин же не мог себе представить, чтобы программа, вытекавшая, по его глубокому убеждению, из народных потребностей, оказалась вдруг им не соответствующей и что «старый порядок вещей» вообще мог быть в какой-то мере близок народу.

Отрицание Бакуниным буржуазной науки Герцен понимал как выступление против науки вообще. Именно он стал авторитетным

* Бакунин М. К офицерам русской армии. [Женева], 1870. С. 38; *Он же*. Постановка революционного вопроса // Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. С. 474.

** Письма... С. 204.

*** Герцен А. И. Собр. соч. Т. XX. С. 579.

свидетелем для тех, кто впоследствии видел в Бакунине лишь врага науки. Но дело было сложнее. Бакунин, как отмечалось в предыдущей главе, выступал не против науки, а против того, чтобы она служила лишь господствующим классам, чтобы она была недоступна народу.

«Да не подумают, что мы отвергаем или презираем науку, — писал он. — Мы не хуже других знаем, что способность и стремление к науке, т. е. к систематическому уразумению существующего мира, составляет именно те главные свойства, которыми человек отличается от других животных»*. Экономическая и политическая организация общества всегда давала возможность получать образование только буржуазии, в то время как пролетариат «осужден на вынужденное невежество». Отвергая буржуазную науку и буржуазное богатство, Бакунин требовал их «как общего достояния для всех»**. В пылу полемики он забывал об определенной самостоятельности науки вообще. Герцен был прав, утверждая, что если наука «в руках правительства и капитала <...> это не ее вина. Механика равно служит для постройки железных дорог и всяких пушек и мониторов»***.

Теоретические разногласия старых товарищей порой принимали весьма острую форму, но дружеские отношения их не теряли от этого своей теплоты. Ни о каком «полном разрыве»**** между ними речи не было. Напротив, письма Герцена конца 1860-х годов свидетельствуют об обратном.

* Archives Bakounine. Leiden, 1967. V. III. P. 197.

** Бакунин М. Избр. соч. Т. IV. С. 48.

*** Герцен А. И. Собр. соч. Т. XX. С. 581, 592.

**** Рудницкая Е. Л. Русская революционная мысль: Демократическая печать, 1864–1873. М., 1984. С. 213.